

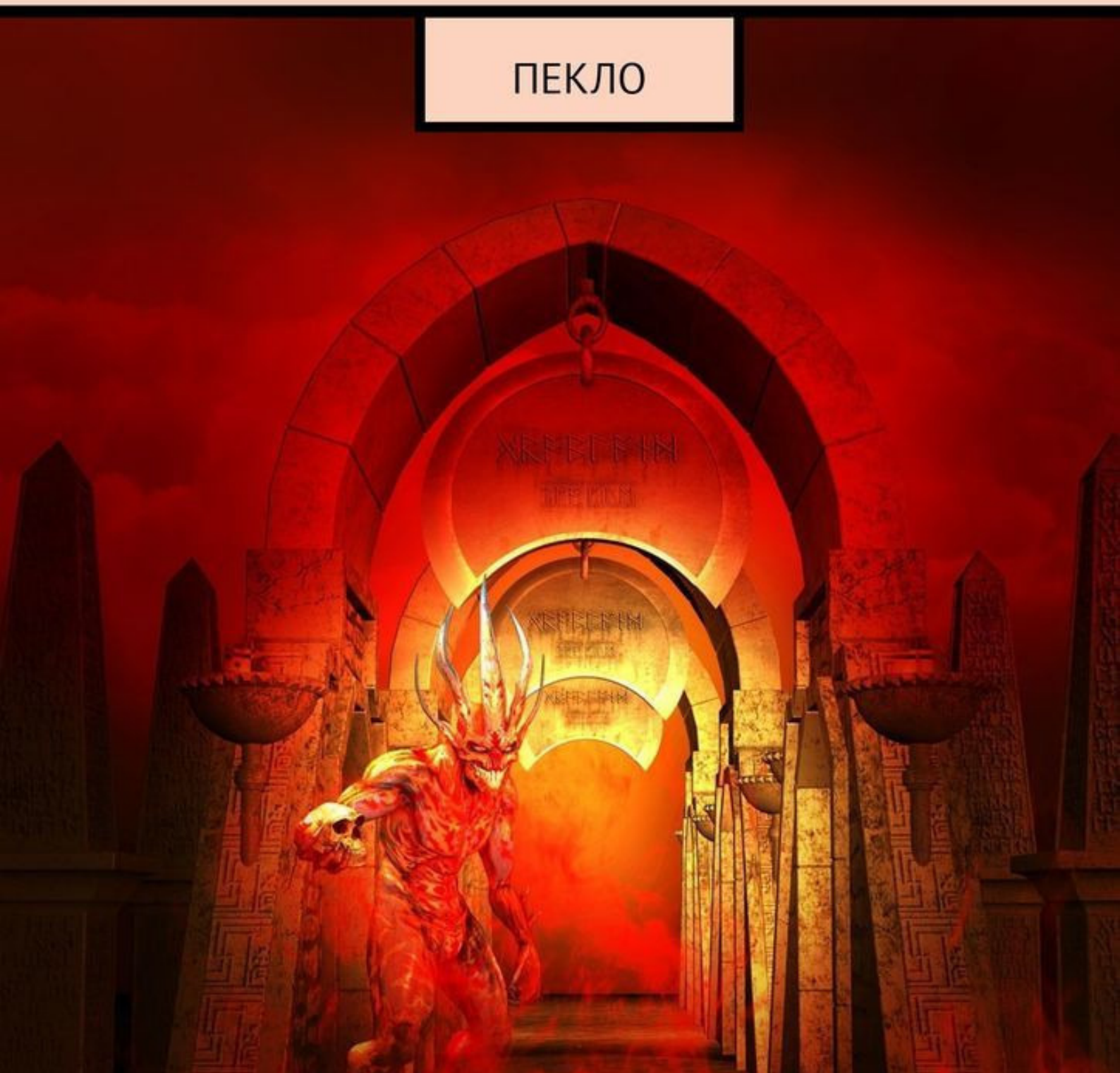
18+

АНГЕЛ

ХАДЖИПОПГЕОРГИЕВ

Божественная трагедия

ПЕКЛО

Ангел Хаджипопгеоргиев

Божественная трагедия. Пекло

«Издательские решения»

Хаджипопгеоргиев А.

Божественная трагедия. Пекло / А. Хаджипопгеоргиев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-627519-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Книга вдохновлена «Божественной комедией» Данте
Алигьери. Но разница в том, что здесь текст в прозе и действие происходит
совсем в другом Аду. В нем нет пожаров и адских мук в строчной форме.
В этом аду боги наказаны. В непринужденном стиле автор ведет читателей
к развлечению, давая при этом разнообразную информацию о религиях и
культах, а также новые интерпретации многих богословских гипотез.

ISBN 978-5-00-627519-5

© Хаджипопгеоргиев А.
© Издательские решения

Содержание

БОЖЕСТВЕННАЯ ТРАГЕДИЯ	6
Глава вторая: Зевс	13
Глава третья: Калли	20
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Божественная трагедия Пекло

Ангел Хаджипопгеоргиев

© Ангел Хаджипопгеоргиев, 2025

ISBN 978-5-0062-7519-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**БОЖЕСТВЕННАЯ ТРАГЕДИЯ
ПЕКЛО
ПОВЕСТЬ
ОТ
Ангел Хаджипопгеоргиев
2024**

Глава первая: что-то вроде введения.

Я гуляю по парку, который одет в золотистые и красные оттенки. Воздух свежий и ароматный, а солнце пробивается сквозь ветви деревьев, создавая игру света и тени. Я слышу, как птицы чирикают, а листья шумят у меня под ногами. Я чувствую спокойствие и гармонию, вдали от стресса и шума города. Парк – это оазис моей души, который наполняет меня энергией и вдохновением. Я останавливаюсь на скамейке и сижу, чтобы насладиться красотой природы. Вытаскиваю тетрадь и ручку. Начинаю писать. У меня так много идей, которыми я хочу

поделиться с миром, и рука начинает писать совсем другие вещи. Начинаются рассуждения о макро и микро космосе, о ничтожности человека и грандиозности природы, частью которой является желтый парк, являющийся моей нынешней музой.

Чьи-то шаги блокируют письмо. Я поднимаю глаза, чтобы увидеть самого странного посетителя парка, которого вряд ли кто-нибудь мог себе представить, как бы ни развивалась его фантазия. Передо мной мужчина среднего роста, с нормальным телосложением, чья одежда определенно выводит меня из себя, если я не подумаю, что он вышел из театра, забыв переодеться:

– И удивляться, и не удивляться так будет, друг мой, – проговаривает он в венецианской шляпе.

Это так, или, по крайней мере, я видел на разных картинах в альбомах и картинных галереях. Он одет как итальянец средних веков-ни очень грубый, ни слишком скромный. То есть-среднестатистический дворянин, а может быть, какой-то художник эпохи Возрождения, каким был Да Винчи, например.

– Ты меня не узнаешь, да? А у тебя мой бюст на книжной полке, которая находится над твоей кроватью.

Я смотрю на себя самым дерзким образом и успеваю покопаться в своей памяти во всех доступных бюстах из моей коллекции. Конечно, я использую тот метод исключения, который мне очень нравится. И через две минуты я понимаю, кто этот человек передо мной.

– Ты узнал меня, да? Я не сомневаюсь в твоей неспособности. Это твое выражение, кстати – Данте улыбается мне совершенно неиронически.

Да, это Данте Алигьери, как бы безумно это ни казалось. Или кого-то, кто очень похож на него. Но кто из нас знает слова и любимые выражения? Он настойчиво пытается завязать диалог:

– И что теперь? Будем ли мы играть в молчанку? Ты слышишь, что я говорю на твоём языке, так что я не вижу никаких препятствий на пути.

Я решил показать, что не глухонемой или, по крайней мере, не немой:

– Мне трудно. честно признаюсь. Это как-то не соответствует нормальной логике и прагматическим понятиям современности. В противном случае джокер с бюстами определенно сработал. Просто не могу объяснить, как это вообще происходит, и не участвую ли я в какой-то идиотской иллюзии. Другой вопрос, если сейчас играть в скетч и снимать скрытую камеру?!

– Ты все усложняешь, молодой человек.

Он называет меня «молодой парень», а выглядит как минимум на двадцать лет моложе меня. Но когда я думаю, что он на семьсот лет старше молчу, а он продолжает..:

– Пришел конкретно к тебе, и нет никаких мистик, случайностей и постановок. Я серьезный, как сфинкс. Еще больше польщен тем, что ты был моим поклонником еще со школьных лет, когда учились про Аду. Только Ад и ничего больше, а их три. Ты прочел их все три, не говоря уже о том, что тебе было немного скучно. Честно говоря, он и Ад тебе было немного скучно, потому что в этих «бабушкиных сказок» не верил с детства. Ты не атеист, но больше к этому клонишь.

– Я не знаю сейчас, как к вам относиться – смущают мои губы – мое уважение совершенно искреннее, и я думаю, что должен поговорить с вами на Вы. Или ошибаюсь?

– Не ошибаешься в принципе. В противном случае в перспективе наших отношений желательно поговорить с тобой на Ты, независимо от разницы в возрасте.

– Разница не только в возрасте – смело перебиваю его – я бы даже сказал, что различий не одна и не две.

– Слушай, парень, что я тебе скажу! Если мы пойдем доказывать, что я очень большой, а ты соответственно мелкий как жук ничего не получится. Я писал, а ты пишешь. Вот что важно в этом случае. Поэтому я здесь.

Возгордился и искал где посмотреть на свою довольную физио-морду, но нет подходящего объекта для осмотра. Нарцисс во мне тускнеет:

– И что именно вас, пардон тебе, привело к моей незначительной личности – я становлюсь еще смелее после комплимента?

– То, что я писал, а ты пишешь.

– Ничего не понимаю. Я простой графоман, и мне нужно больше объяснять.

– Это как самоиронию понимать или как апокалиптическое откровение, – смеется флорентинец?

– Не знаю, что это. Я иногда сначала говорю, а потом размышляю – остроумничаю в своем незнании, как себя вести.

– Я не буду объяснять тебе как слаборазвивающему, хотя ты пытаешься убедить меня, что такой, – опять хихикает тот, кто еще я не уверен, что он не артист.

Я думаю, почему бы ему не сесть. На скамейке так много места. А он кажется читает мои мысли, потому что садится, заблаговременно забрасывая плащ, не забывая расставить торчащую шпагу, чтобы не застрять между планками скамейки. И я все еще думаю, что он не может быть артистом, потому что кажется мне слишком реальным. Я даже скрытно трогаю его плащ. Вполне реальное прикосновение. Но у меня нет объяснения тому, как он жив, когда я учил что он умер где-то в начале 14

века. А он как будто засунулся в мой мозг.:

– Что я умер известно многим людям. Но это то, что держит меня в живых. Парадокс, не так ли? В тот момент когда меня исключат из школьных программ, сожгут мои книги и перестанут упоминать меня всеми возможными способами, я просто действительно умру во всех смыслах. Особенно метафизически, потому что хотя ты можешь меня осязать, это всего лишь оболочка. Долго объяснять. А я немного сел, как это делали русские в прошлое. Только там, где у нас нет чемоданов, чтобы сесть на них.

«Новая двадцатка» – новая мысль-вопрос приходит ко мне мгновенно?

– Да, верно, молодой человек. Я поведу тебя в долгое путешествие. И ты гарантированно свернешься, модно сказано, потому что оно внутри в крови писателя. Ты любопытен как сплетница на пенсии на скамейке перед многоквартирным домом, только тебе интересуют не квартальные желтки, а более глобальные вещи. Вот в чем разница. И это именно то, что я собираюсь использовать, так что настраивай свои конечности на старт!

– Не зная, куда пойду, я отсюда не выйду, – категорически дергаюсь, как упрямая скотина!

– Не волнуйся, ты будешь знать! Мы отправляемся в путешествие, где ты окажешься первым избранником, который опишет его и даст людям описание, какую бы ценность оно ни имело как литература. Большее значение имеет правдивость и способ подачи. То есть так же, как ты пишешь. Не много финтифлюшек и украшений, а прямо в цель.

– И что это за место? – спрашиваю я – любопытный и заинтригованный.

– Ад, конечно. Но не тот Ад, который я описал в своей книге. Мой Ад для людей, которые согрешили против Бога и его законов. Нет, я покажу тебе другой Ад. Ад для богов, которые нарушили основные законы Вселенной. – объясняет он.

– Ад для богов? Но это безумие. Как может быть такой? Как могут боги согрешить? Как их могут наказать – я восклицаю, шокирован и недоверчив?

– Не задавайте мне столько вопросов, что я отвлекаюсь! Следуй за мной, и поймешь! Но будь готовы к шокирующим видениям, которые никогда не можешь себе представить, как бы ни был увлечены фантазией! И не бойся ничего! Действие согласовано на самом высоком уровне! Я здесь, чтобы вести тебя и защищать – заявляет он, хватая меня за локоть в под-сказке.

Я следую за ним, не противореча. Чувствую, что это одно из тех приключений, которые случаются раз в жизни, и это случается с немногими. Или скорее, после жизни. Потому что я не уверен, что живой. Может быть умер, и это мой судьбоносный час. Или может быть сплю, а это мой кошмар. Но что бы ни было, я готов это пережить. Потому что я авантюрист, готовый поверить в любое безумие. Творчески-авантюристические личности любят сталкиваться с проблемами, расширять горизонты и открывать новые миры, чтобы они тоже были шокирующими. Даже если они адские, что бы это ни значило. Когда я немного задумываюсь, со мной случалось немало адских вещей, так почему бы и нет?! Ничто не отличается от того, что я чувствовал вчера или позавчера, с той разницей, что меня щекочет это удивительное чувство встречи с неизвестным, неожиданным и провокационным. Божественный Ад – больше, чем эта абстракция – будь здоров!

После нескольких минут ходьбы мы добираемся до одного уголка парка. Вдруг стемнело. Я вижу только тени деревьев, раскачивающиеся на ветру. Я также вижу Луну, которая светит над нами бледным светом.

– Вот оно, – категоричен Данте, останавливаясь перед большой плитой, которая прикрыта травой и листьями. – Это вход в ад.

– Какой вход? Я ничего не вижу?! – спрашиваю, глядя вокруг себя.

– Не волнуйся. Я знаю, как его открыть. – говорит он, переворачивая траву и листья, обнажая одну металлическую решетку. – Все, что нам нужно сделать, это нажать на эту кнопку. – он показывает одну красную кнопку, встроенную в пластину.

Нажимает на кнопку, и я слышу шелчок. Решетка открывается, а отверстие расширяется. Мы стоим перед лифтом, который, кажется, ждал нас. Он старый и ржавый, воняет плесенью и еще кое-что, что я не могу определить. Мой нос явно сморщивается из-за чрезмерной чувствительности. Есть дверь с надписью «Ад». Нет других кнопок или экранов. Только один рычаг, который может двигаться вверх и вниз.

– Иди сюда! Давай зайдем! – он лаконично приказывает Данте, таща меня к лифту. – Это единственный способ попасть в Ад.

– А как мы узнаем, где остановиться? – спрашиваю, когда вхожу в лифт.

– Не волнуйся! Нам больше некуда идти, кроме как туда.

– И что мы там будем делать? – спрашиваю – Мы будем разговаривать с богами? Спросим их, почему они согрешили? Будем их жалеть или осуждать?

– Я не знаю. Посмотрим. Все возможно. – говорит он, закрывая дверь лифта. Но одно можно сказать наверняка. Ты увидишь то, о чем никогда не думал. И услышишь истории, которые никогда не слышал. Потому что это Ад для богов. Это другая раса. Раса, которая превосходила человечество, но упала ниже него. Раса, у которой было все, но она потеряла все. Раса, которая была близка к совершенству, но стала жертвой греха и самолюбия.

Поэт берет рычаг и тянет его вниз. Лифт начинает двигаться. Я слышу жуткий шум, исходящий из глубин. Чувствую холодное дрожание, которое охватывает кости вплоть до их костного мозга. Я чувствую типичное любопытство, которое пронизывает меня, но без боли. Я чувствую волнение, которое возбуждает меня в ответ на холодный трепет.

Спускаемся в ад, что бы он ни представлял.

Лифт останавливается, и дверь открывается на этот раз без чьей-либо руки. Выходим из него, чтобы оказаться перед большой аркой, высеченной в скале. Она высокая и широкая, достаточно, чтобы пройти две лошади рядом друг с другом. Украшена рельефами, которые изображают различных богов и сцены из их жизней. Я вижу Зевса, который бросает свою молнию, вижу Афродиту, купающуюся в море, Аполлона, играющего на своей лире, Осириса, судящего мертвых, Шиву, танцующего со своим особым трезубцем. Скандинавский Один изображен на своем троне величественно смотрящим с типичной надменностью. И еще много других богов из разных мифологий и культур. Все они кажутся грандиозными и могущественными, но в то же время грустно-уставшими.

Над аркой надпись на каком-то странном языке, которого я не понимаю. Язык состоит из символов, которые напоминают звезды, планеты, галактики и другие космические объекты. Надпись светящаяся и пульсирующая, как бы живая. Что там написано?!

– Что там написано? – я выражаю свою мысль вслух, указывая на надпись.

– Это язык богов. Язык создан вместе с Творением, вместе со Вселенной и всем в ней. Язык, который содержит все законы и тайны существования, который я выучил, чтобы мог с ними разговаривать. Он тихо промолвил Алигьери, глядя на надпись с почтением.

– И что там написано? – повторяю как латерну, ожидая перевода.

– Пишет так: «Это ад для богов. Здесь наказаны те, кто нарушил Основной Вселенский Закон. Закон гласит: Не изменяй порядок вещей. Не вмешивайся в судьбу других. Не пытайся быть больше, чем ты есть. Потому что ты бог, но ты не Бог. Есть что-то выше тебя. Есть что-то сильнее тебя. Есть что-то более мудрое, чем ты. И он наблюдает за тобой, он судит тебя. Он заставляет тебя расплачиваться за свои грехи. Так что будь осторожен, что ты делаешь! Так что будь скромным, справедливым и добрым! Почитай основной Вселенский закон! Потому что он единственный, кто имеет значение. Потому что это «Закон любви» – переводит Данте, читая со слезами на глазах.

Наивно спрашиваю:

– Если это основной закон, значит, есть и второстепенные или я ошибаюсь?

– Это естественно, и я скажу тебе, пока мы будем в аду. Неплохо было бы запомнить их и описать в своем будущем произведении, которое ты назовешь «Божественной трагедией», чтобы оно напоминало мою «Комедию», но и отличалось.

– Вы имеете в виду, что ваша «Божественная комедия», хотя лично я ничего смешного в ней не нахожу?

– Я назвал ее просто «Комедией», но потом она стала «Божественной». Боккаччо придумал добавить прилагательное, чтобы сделать его более провокационным и даже более привле-

кательным. Как ты знаешь, текст поэтический и выражается «терцинами», которые современные поэты любят называть «хайку», что определенно смешно до комедийности.

– Я придерживаюсь того же мнения, потому что считаю Хайку самурайским приоритетом. Это часть религии японцев, связанная с Бусидо.

– Мы слишком развелись тематически! Пойдем внутрь! Запах в лифте покажется Денимом или Давидовым по сравнению с тем, что на тебе обрушится, так что настраивайся заранее, чтобы хотя бы это не удивило!

Я конечно был удивлен, но не сразу. Мы входим под арку, чтобы попасть в голое поле, заросшее чем-то вроде сухих трав и кустарников. Нет пути, даже тропинки, так что мы идем по дребезжащим под ногами сухотям. Мы направляемся к прекрасному дворцу, который находится недалеко от голубого озера с небольшим водопадом.

– И ты это называешь адом – я задаю вопрос под номером не знаю, кто?

– Подожди пока мы подойдем к нему, и тогда задавай глупые вопросы, – режет меня флорентийский философ! – Кстати, здесь живет Зевс с частью своего окружения.

– Как это? Что он верховный бог эллинов, и не только их?!

– Давай не будем вдаваться в теологические споры, пожалуйста! Неплохо бы учесть тот факт, что он был главным богом, а теперь только в книгах, описывающих мифологии древних народов. Он в прошлом, друг мой, и не более того.

– Даже если это в прошлом, он такой мощный?! Есть молнии, Эгида и прочее оружие для нападения и защиты. Кто может победить его, чтобы посадить в колонию?

– Интересно, что ты назвал это колонии. Осталось сделать аналог с ГУЛАГом или Бухенвальдом, хахаха. Здесь, человек, совсем другое дело. Как видишь нет проволочных сетей с электричеством, нет деревянных барак, тифа, цинги и прочего. Но что я могу тебе объяснить, когда ты сам увидишь? Тем не менее, ты должен быть богом, чтобы осознать все нюансы этого божественного Геенны. Как говорится, сколько-столько!

Мы приближаемся к дворцу, чтобы понять, что с каждым шагом он становится все более уродливым, испорченным и совершенно отвратительным. Чтобы добраться до него проходим мимо озера с водопадом. Обнаруживаю что вода, выглядящая красиво-синей издали теперь мутно-коричневая, булькающая с противным звуком, а из нее подаются противные головы каких-то причудливых тварей – озубленные, опушенные, издающие максимально раздражающие уши звуки.

– Смотри и учись, молодой человек! – слышу голос своего вождя – Осознай, что не все что кажется красивым на первый взгляд, при втором сохранило свою прелесть!

Глава вторая: Зевс

Я всегда представлял себе Зевса в том виде, в котором его рисуют и лепят, за исключением последнего образа из фильма «Падение Трои», где его сделали афроамериканцем, более черным, чем самая черная ночь. Да, но как некоторые говорят: «Не всегда то, что Вы себе представляете, правда!»

Мы входим в руины, которые издавна напоминают королевский дворец, буквально заползая под железную решетчатую дверь, спущенную на полпути и брошенную вот так. Проходим через что-то вроде двора, заросшего болиголовом, трескотей и крапивой. Там есть отверстие, которое когда-то было дверью. Не то чтобы и сейчас ее нет, но бедняжка висит на своих ржавых петлях, и в любой момент распадётся на гнилые доски и корродированные заклепки.

Оказываемся в огромном помещении, когда-то выполнявшем назначение тронного зала или, по крайней мере, триклиния для масштабного пира. Потрескавшиеся колонны удерживают потолок, чтобы он не рухнул, а окна либо с разбитыми стеклами, либо те, которые еще не стали кусочками каких-то птиц нахлынули до степени полного затмения.

– Хорошо, что у него разбито стекло, чтобы в него попадал какой-то свет, – снова читает мне мысли флорентинец.

– А я всегда считал, что в аду должно быть светло и тепло от огней Геенны – выражаю свою бетонную логику.

– Одно дело, что ты думаешь, а совсем другое, как организовал его тот, кто его организовал, – остроумно умничает мой проводник, – недаром его называют архитектором, так что все рассчитано по 3.14. Это опять твое выражение?!

– Какая разница? Давай напрягаем зрительные органы и посмотрим, что тут у нас, ведь мы хотим впечатлений!

Смотрим на ходьбу, и в какой-то момент я фиксирую какую-то фигуру, сидящую на каком-то складном стуле. Но сидит с осанкой, как на троне. Это будет Зевс. Ведь Алигьери определил собственность руин. Откуда-то появляется женщина с развевающимися волосами:

– Добро пожаловать, дорогие гости, в покои величайшего из великих!

Только сейчас я замечаю, что ее волосы не развеваются, а представляют собой шипящую кучу тонких змей. У меня мурашки по коже.

– Не бойтесь моих волос! Они совершенно безобидны и абсолютно дрессированы, чтобы не общаться с незнакомцами. И вместо того, чтобы гадать, кто я, я представляюсь вам – чудовищная женщина делает реверанс – меня зовут Эвриала, и я думаю, вы знаете, что одна из трех горгонов. Моя сестра Стено пошла в одно место, а Медузу можно увидеть у ног того, кого зовут Зевс.

Действительно, свернувшись у ног того кто сидит на псевдо-троне мы видим безголовую женскую фигуру. Я сужу глаза, чтобы лучше видеть в сумерках. Ее голова с шевелящимися и извивающимися змеями висит на груди сидящего. Приближаюсь еще на два шага, чтобы лучше его рассмотреть. Я ведь за этим пришел?!

– Не бойся, подойди! – приходит звук того, чем должен быть верховный бог эллинов – Так давно никто не общался со мной, по крайней мере, как с равным, не говоря уже о боге. Кто вы и что привело вас в это проклятое место к еще более проклятому? Надеюсь, из-за вас мне дадут немного покоя, что из тех у кого волосы змеи не нахожу мира с тех пор как здесь уже не помню как давно.

Появляется еще одна горгона, возможно, по имени Стено, и предлагает нам сесть за стол, который я только сейчас замечаю где-то в стороне от «трона». Мы сидим с Данте, и эти адские создания угощают нас кофе в красивых чашках. Буду плакать от умиления. Кофе в каком-то божественном Аду – это действительно ни в какие представления не укладывается.

– Не заикливайся на рассуждениях, а пей свой кофе, что остынет – ухмыляется моя путеводная звезда!

– Бери голову, чтобы я обратил внимание на дорогих гостей, – слышу я со складного трона-стула!

Смотрю на Зевса, надеющего голову на безголовое тело медузы, и она встает с легким раскачиванием. Экс-Бог уверенно встает из устройства сидения и помещается на третьем кресле между мною и Данте. И только сейчас могу рассмотреть его очень наглядно. Ничего общего. Но это не имеет ничего общего с тем, что рисуют и лепят разные Фидиевцы и Рембрандты. Он даже не похож на человека, а на что-то диаметрально иное. Если вдуматься, то это больше похоже на те фотографии, что будто из зоны Б-я не знаю точно кто. Что-то вроде инопланетянина, только с волосами и бородой. В остальном у него большая голова, выпуклые глаза без век и бровей, несоразмерное тело и очень длинные пальцы рук. Он сидит передо мной и кокетничает, как какой-то земноводный. Тритон или саламандра с получеловечным телом. Он старается дружелюбно улыбаться, но у него не очень хорошо получается гримаса. Я стараюсь быть дружелюбным.:

– И как там, Зевс, в этом сказочном уголке? Ты сожалеешь об Олимпе, об амброзии и нектаре, которые тебе подносил Ганимед, которого ты так нагло похитил, или это неправда? Очень хочется понять, насколько мифы, которые мы читаем, касаются истинных фактов того времени?

– И ты проделал весь этот путь сюда, чтобы так нагло спросить меня, хорошо ли мне, да? – злитесь инопланетянин – Ты вообще понятия не имеешь, о каком ужасе идет речь. Не можем найти ни грамма сравнения с Олимпом, где мы действительно жили как боги. И вдруг я оказалась в этом отвратительном месте, с этими еще более отвратительными самками, которые, кроме того являются убежденными феминистками и относятся ко мне как к какому-то совершенно деградировавшему типу. У меня нет ни вспышки, ни ржавчины, чтобы бить, бить и не останавливаться, потому что они безжалостно подлые и неприятные интригантки. Никакой милости, но никакой – я улавливаю плачущие ноты и даже замечаю явную слезу божественного, отталкивающего лица.

Чувствуя деликатность ситуации, Алигьери пытается смягчить эмоции:

– Слушай, Зевс, мы здесь с познавательной целью, и если ты дашь нам интервью на десять минут будем тебе бесконечно благодарны, чтобы ты это знал.

– У меня нет ничего материального, что я мог бы дать. А то, что вы хотите чтобы я вам дал, я не знаю что это такое.

– Это не так – я пытаюсь успокоить его, потому что вижу, как он нервничает и смущается одновременно – просто попрошу тебя рассказать, почему ты здесь, а не в Раю или даже еще на Олимпе! Я не спрашиваю, сожалеешь ли ты о тех ошибках, которые привели тебя и поместили на тот стул в углу, а только о том понял ли ты куда ступил неправильно.

– Если за какой-то шаг попадут в ад, то где же ему конец? – не понимает метафоры Громовержец – Рассердился на меня Вышестоящий где все и везде, что я много порвал со всякими образцами женского пола, что изменял перманентно Гере. Это одно, а затем накладываются обвинения в прямом убийстве, например – титанов. Но, возможно самое неадекватное обвинение – в заточении Прометея, этого мерзкого вора.

Именно в этот момент откуда-то пронесся круглый камень, который сломал одну ногу на кресле Зевса, и он со всей тяжестью своей упал на землю, потому что пол под ним нет. Мы стоим на голой земле. Слышен громкий смех, и к нам приближается мощная, прямо колоссальная мужская фигура:

– Кто здесь говорил о Прометее – задается вопросом фигура, которую я только сейчас замечаю держит в одной руке рогатку с резинками?

– Прометей, убирайся отсюда с этой рогаткой, что если бы я был как раньше, ты знаешь, куда бы тебе ее засунул?

– Если бы ты был, но не был, пигмей несчастный. Лежи на земле и оплакивай экс-твою божественную участь до скончания мира! Потому что для тебя нет Геракла, чтобы освободить. Вот в чем разница, когда ты считаешь себя вершиной айсберга.

Я сижу как какой-то безмолвный придаток на стуле и дивлюсь своей судьбе. Чуть больше часа назад я сидел на скамейке в парке, а теперь горгоны, Зевс, и Прометей. И я ущипнулся под столом, чтобы проверить себя во сне. Это больно, и все. Ни сна, ни кошмара. А титан слегка кланяется мне и моему спутнику, опуская тон в извинительном миноре:

– Простите, что нарушил это интервью, но сколько раз произносит мое имя появляюсь, чтобы свалить его на землю. Он должен постоянно принимать напоминание о том, что с высокой вершины упадет прямо на землю. Промежуточного положения нет. А теперь позвольте мне уйти до следующего визита!

Я как-то пробудился, чтобы сказать ему то, что как думал произнесу при возможной встрече с ним:

– Уважаемый Прометей, позволь мне от имени всего человечества поблагодарить тебя за огонь, за твои уроки и наставления, без которых мы бы еще прятались в пещерах и сражались с разными динозаврами! Благодаря тебе мы можем читать, писать, обрабатывать землю и даже изготавливать одежду. Ты – основа нашего общего развития и прогресса. Еще раз спасибо!

– С удовольствием, хотя это стоило мне долгих лет неудовольствия и ужасных страданий из-за этого гадкого Орла. Но это того стоило, потому что именно благодаря этой благодарности я полностью жив и буду жить вечно, но не здесь, а в прекрасном месте где такие гнусные черви отсутствуют даже как мысль.

И Прометей плавится в воздухе, даже не оставив своей очаровательной улыбки, как это делает тот кот из сказки об Алисе. А я забываю это описать. Титан Прометей нарисован и скульптурирован в основном того, как был прикован к скале Кавказа, и орел клюет его печень. А здесь, в отличие от «великого» Зевса имеет гораздо более человеческий образ, только каким-то образом более величественный и могущественный. Но похож на человека, как бы мы на него не смотрели. Только там, где он намного выше, а черты лица как-то более изрезаны. Я начинаю предполагать, что это вымершая раса гигантов. С другой стороны в мифологии говорится, что именно Прометей сделал нас людьми из глины, а по орфеизму – из праха сожженных титанов, которых этот невзрачный и подавленный Зевс сжег из-за убитого младенца Дионисия. Сложности безумные, но и логичные. В любом случае этот Прометей мне в разы симпатичнее. Я пытаюсь испытывать сожаление и сочувствие к тому, кто все еще корчится у трехногого стула, видя как одна из Горгон носит другой стул, милостиво протягивая руку бывшему величию, которое внезапно раздувается и садится на новое место, гордо подняв свой заостренный подбородок:

– Я готов к собеседованию, что бы это ни значило. Давайте забудем об этом инциденте! – он сразу же замолчал, потому что подумал, что если снова произнесет ему имя снова будет на земле – с тем из моих приятных воспоминаний, когда эти титаны я делал их в пух и прах своими сверкающими молниями.

Я смотрю на свой путеводитель, а он подмигивает мне конспиративно, чтобы начать:

– Самый важный вопрос в этом интервью заключается в том, осознал ли ты почему здесь. Ты сожалеешь, раскаиваешься, хочешь вернуть пленку назад и исправить себя?

Зевс облизывает видимо высохшие губы и решает что-то сказать, А я думаю, что у меня есть кофе. Выпиваю, чтобы убедиться, что напиток не имеет никакой разницы с эспрессо, которое я выпил сегодня утром в баре напротив нас. А тот, кого я спрашиваю, уходит с объяснениями.:

– Я могу сознавать, сожалеть и даже винить себя, но не признаю себя виновным. Каждый на моем месте воспользовался бы своим служебным положением. Нет никого, кто бы этого не делал, но только я здесь втираюсь в это дело, не так ли? И в основном меня наказывают за прелюбодеяние. Что я оплодотворял. Я ведь бог?! Каждая самка была бы счастлива родить ребенка божественного происхождения. Что случилось с Гераклом, например, или с Еленой Спартанской? Красивые и могущественные, каждый по-своему.

Внезапно он краснеет от какого-то своего гнева и сердито кричит:

– Ну, разве кто-нибудь не принесет мне что-нибудь выпить, что об этом надо говорить, а у меня во рту пересохло от многовекового молчания. С этими змеевидными что мне говорить? Они не только издеваются надо мной, но и занимаются чем-то другим. Вот это вчера сей Стено предложила мне массаж, что очень я был одревен на троне. Что когда она схватила меня просто не связала меня узлом. Она сломала меня, раздавила и не оставила ни одного межреберный сустав не взорвавшим. У меня все еще болит тело. И моя душа страдает от этого бесчеловечного обращения. Но они не люди, так какого отношения мне ожидать?!

Приходит одна из горгонов и приносит ему керамическую кружку в виде пивной кружки. Бог схватил ее и жадно начал пить, как будто неделю не пил. Внезапно его опаленные глаза еще

больше обливаются. Бросает стакан, поворачивается назад, начиная плевать. Горгона услужливо протягивает ему салфетку, улыбаясь многозубым ртом.

– По крайней мере теперь, когда у меня гости вы бы налили мне что-нибудь нормальное, чтобы я не позорился, мерзавцы! Это подлость, но это ни на что не похоже. Не то чтобы было в первый раз, но теперь, когда вы здесь я думал, что они оставят меня в покое, по крайней мере, пока мы это делаем, как было, а да – интервью. Нет, брат, спасения, и все!

– Что ты, Зевс, возмущаешься? У тебя свежая моча. Лично моя, – реплицирует Горгона – разве ты не помнишь, что Эскулап, придя на контрольный осмотр специально рекомендовал тебе уринотерапию из-за гастрита? Для тебя нет воды, не говоря уже о вине! Таковы правила. Хорошо, что мы хотя бы не даем тебе пить кровь убитых тобой или с твоим благоволением людей и животных. Тысячи тонн крови пролилось, чтобы подлизываться к тебе. От страха, от желания исполнять их молитвы и от незнания того, что ждет их после финала жизни. Впрочем, неплохо было бы подумать об этом. Мы не только туалетную жидкость тебе подаем. Нужно внести разнообразие в ассортимент.

Отродье куда-то исчезает, а интервьюируемый продолжает тираду:

– Я не знаю, как тебя зовут. Видел этого другого парня, и в другой раз где-то здесь тусуется, но тебя не знаю. Неважно. На чем мы остановились? Ах, да! Я понимаю, знаю и помню

все, но не признаю себя виновным. И пусть признаюсь, так что?! Они вытащили меня отсюда и вернули мне прежнюю власть и внешний вид? Вы думаете что всегда еще так выглядел?

– А как ты выглядел – любопытство во мне не терпится?

– Значительно лучше, конечно. Иначе как бы я нравился этим красавицам? Даная, Европа, Лада, Алкмена, еще перечислять? Некоторые говорят, что преображался. А почему бы и нет? Могу – преображаюсь.

– А теперь почему ты не перефасоняешься, чтобы взлететь, как птичка из этого ада, «повелитель» – слышен женский голос со стороны, – потому что ты больше не можешь. Кто-то отнял у тебя эти способности, взяв твою силу, молнии и власть. Это хорошо на Олимпе, но очень больно при падении, не так ли?

– Заткнись, женщина, потому что у тебя нет права голоса! У меня собеседование, как бы ты не хотела. Если они это делают, то им разрешено с самых высоких этажей. Молчи там и не вмешивайся в дела мужчин!

– Это ты мужчина, у которого нет второго такого, как ты. Даже мужской атрибут у тебя забрали, хахаха. Потому что он тебе больше не нужен. Женоненавистник несчастный, псевдовеличие несчастное и жалкое – не останавливает горгона, а Зевс все больше уменьшается на стуле.

Я начинаю очень жалеть этого парня, и смотрю на Данте с идеей уйти, но он определенно не собирается уходить. Даже вмешивается в разговор:

– Ты, как часть божественных иерархий, не знал о законах Вселенной? Ты, который должен контролировать их соблюдение в своем подопечном мире, не знаешь что ты должен подавать положительный пример. Иначе другие, глядя на тебя подумают, что после того как боги ошибаются, что остается смертным.

– Боги для этого боги, чтобы делать то, что они хотят. Простолюдин должен выполнять предписания и приносить дары в храм, не задумываясь. Кто бунтует, вы знаете что с ним происходит? Примеров много как у богов, так и у людей. Исполняют ли ваши правители вселенские заповеди? Они выполняют захваты. Они считают себя более богами, чем настоящие. Каждый, кто поднимется наверх, считается неприкасаемым, всемогущим и всезнающим. Я это понимаю, принимаю, но не признаю себя виновным. Слышишь? – Зевс поднимает голову вверх к продолговатому потолку – не признаюсь, ты знаешь! Не было ни суда, ни адвоката, ни возможности защитить себя. Это произвол, беззаконие и самоуправство. Ты – тиран и тоталитарный сатрап!

Зевс впадает в истерику, начинает выплевывать пену, а я получаю позывы к рвоте из эго вида. Чувствую себя подавленным до последней клетки. Смотрю на Данте, и на этот раз он подмигивает мне встать.

Не прощаюсь даже с тем, что было выше всех, не потому что теперь ничтожество, а потому что он явно ничего не осознал в своем собственном эгоцентризме.

Мы возвращаемся под решетчатую дверь, чтобы вернуться в поле, которое выглядит довольно измененным. Алигьери идет вперед, но внезапно останавливается, чтобы дожидаться меня:

– Я отведу тебя в ресторан. Ну, ты знаешь!

– У меня нет никакого желания устраивать гулянки – повторяю упрямо, потому что спазмы рвоты еще не совсем утихли.

– То есть, даже если будешь дурачиться, вряд ли получишь энтузиазм, потому что там вид более чем возмутительно-ужасающий. Или давай выразимся мягче: вид крайне неприятен.

– Тогда давай пропустим! К Зевсу я уже посмотрелся.

– Покрепче, пожалуйста! Ты еще ничего не видел. Должен, молодой человек, должен! Вот почему мы здесь. Если ты не заходишь в ресторан, значит ничего не видел. Там есть люди, которых ты знаешь поименно, вместе с большинством «героических» мужеств и самоотверженности. Нигде нельзя увидеть мифологических персонажей, кроме как здесь. Даже уди-

вишься, что некоторые из них увидишь почти одновременно в нескольких местах, но это все еще корпоративный секрет. В какой-то момент я тебя просветлю.

На этот раз мы идем по какой-то асфальтированной дороге, и уже видно здание ресторана, которое имеет даже светящуюся неоновую надпись: «Ковш Дьявола». Со стороны видны несколько дворцов, похожих на зевсовский, а сзади вижу пирамиду, похожую на Мачу-Пикчу. Я как раз собирался спросить, когда Данте нагло звонит, зная что это меня раздражает. Прочтение мыслей – это мое слово.:

– Там в каменном доме сосуществуют в супружестве бог Ицли и богиня Ишкуала. Потом мы можем навестить их. Я думаю, мы могли бы навестить еще один дом, прежде чем отправиться в следующий район. Здесь нет кругов, как в моей «Комедии». Кварталы, или ареалы, но не круги. Тем, кто здесь находится, было очень неприятно называть «круги», тем более ничего круглого нигде не наблюдается.

Этот флорентинец определенно развлекается со мной настолько, насколько позволяет ему чувство юмора. Я, естественно никак не сержусь, потому что несу в шутку, и обязан ему безграничной благодарностью за настоящее путешествие. Так что все в порядке. Мы подходим к ресторану, который достойно сохраняет свой внешний вид, в отличие от того, что выглядело так красиво издавна, а потом оказалось хуже римского Колизея. Перед входом Данте ответственно заявляет:

– Я обещал тебе по одному вселенскому закону при каждом переходе. Вот Закон Божественного Единства: Этот закон помогает нам понять, что мы живем в мире, где все связано со всем остальным. Потом подумаешь!

Через мой мозг проходит терцина из «Комедии»:

«Знающий, кто имеет всякую власть,

так разверзлись небеса,

что каждая часть связана с другой частью...»

Кто бы подумал, что Данте знал эти вещи еще 700 лет назад. Но потом я тоже подумаю. Входим....

Глава третья: Калли

Дверь ресторана мы открываем сами. Я переступаю черту и оцепеневаю. Как будто я вхожу в это заведение из фильма Лукаса «Звездные войны». Где впервые появился Хан Соло со своими ковбойскими хватками. Прямо напротив нас оркестр с причудливыми музыкантами и певицей, который в пятой серии съел ее чудовище. Один к одному. Это не сон, а что-то вроде наркотического бреда, хотя я не испытывал его в своей жизни. Но это ни в коем случае не страшно. Он просто шокировал непривычным видением, хотя здешние посетители сидят за столиками. Они явно привыкли. Я оглядываюсь по сторонам, чтобы понять, что единственные нормальные гуманоиды – это мы с Данте. Все остальные имеют различные мутации, деформации и генетически-визуальные искажения..

...Приходит какое-то существо (возможно, оберкельнер) и вежливо ведет нас к парестолу, завернутому в дальний угол:

– Прошу прощения, – обращается существо к моему проводнику, – сегодня это какая-то Навалка, и я не могу поставить вас на центральный стол.

Он оберкельнер похож на классического Дьявола, только без хвоста и виллы. У него легкий подбородок, зубчатый рот и крошечные маты спереди на лбу. Честно говоря, мне казалось,

что я привык к ним, поэтому я не воспринимаю это как отталкивающее или пугающее. Просто дьявол и ничего больше. Если в аду нет демонов, то где еще их искать? В моей жизни они есть только на фресках, картинах, иконах и в фильмах, естественно. Я думаю об этом, пока мы сидим по обе стороны круглого стола. Дьявол напрямую принимает наш заказ:

– Здравствуйте, уважаемые гости заведения! По высшему приказу приказано, чтобы мы все были в вашем распоряжении, так что вы на нашем иждивении. Все за счет заведения, так что вы, ребята, потрескаетесь? – вдруг его лицо искажается гневной гримасой – сюда тащатся всякие. Быстро говорите, что я не могу на вас смотреть!

Я нежно смотрю на Данте, а он улыбается мне под сурдинкой. Я не голоден и не очень хочу пить, но мои эмоции, в отличие от меня, нуждаются в шоковой терапии, поэтому я промолвлю:

– Я бы выпил коньяк, пожалуйста! – получая кивок со стороны компаньона и проводника, я дополняю-два коньяка, пожалуйста, и орехи, плюс минеральную воду, пожалуйста!

Дьявол откуда-то вытащил масляный блокнот и химический карандаш времен моего дедушки. Он плюнул карандашом, чтобы записать заказ.

– Вы что, не жрете? Еда здесь обязательна, знаете ли. Помещение имеет обязательное потребление. Ты не можешь сидеть здесь весь день на лимонаде и притворяться барменом!

– Принесите нам фирменное блюдо, пожалуйста, – слышу, как Данте заказывает от имени обоих, как я сделал до него!

Обер молча поворачивается кругом и куда-то уходит, а Аллигеры подмигивают мне:

– Не сказано, что мы будем есть это блюдо, тем более, что его вообще вряд ли можно будет есть, зная, что здесь подают.

– Что за черт? Кофе у Зевса был вполне квалифицированным, что даже очень вкусным – я реплицирую по инерции.

– Был, да. Здесь им приказали не относиться к нам как к наказанным, а скорее как к туристам, не говоря уже о проверяющих, а также ревизирующих. Так что коньяк будет вполне нормальным.

Мы говорим о коньяке, а он уже за столом. Полуовальные чашки без стульев, предварительно подогретые, а в них янтарь божественного напитка. Мы трахаемся с моим собеседником, чтобы выпить. Это действительно качественный коньяк. Мягкий, ароматный и согревающий до копчика, который называют первой чакрой.

– Нет, спасибо, – дьявол стоит перед нами и ждет чаевых, как будто?

– Большое спасибо, – говорю я с самой доброжелательной улыбкой, которую могу сформировать на губах – моим любимым коньяком, насколько помнят мои вкусовые рецепторы.

– Спасибо, а чаевых нет. Я хорошо подумал, что скажу бармену налить вам по одному «Солнечному Берегу», чтобы вам сегодня приснились белые мыши, но не хочу, чтобы меня

потом вызывали к начальнику. Так что будьте здоровы и пейте хенеси! Я мог бы прямо принести бутылку, но бармен сказал, что это не работает в супермаркете.

– Вы очень милый, – снова примеряю свою лицемерную улыбку, насколько мне это удастся!

– Я мыл тарелки у свою маму! Идите в баню! – и пошел куда-то, черт возьми.

Я обращаюсь к Данте.:

– Это было адское, чтобы описать его?! С этим коньяком я чувствую себя как в раю.

– Он действительно хорош, но вряд ли остальные такие напитки когда-либо подавали.

Обрати внимание на то, что у каждого стола есть высокая рвота!

Я также обращаю внимание на то, что очень часто кто-то из присутствующих использует эти приспособления по своему конкретному назначению. Постоянно слышны неприятные звуки от возвращения пищи и жидкости обратно на улицу. И мне приходит в голову мысль, что оркестр есть, А музыки не слышно. Я смотрю на футуристическую музыкальную группу. Они раздувают инструменты, и это видно. Певица открывает рот перед каким-то странным микрофоном, но звука нет. В зале слышны отрывочные фразы и, конечно же, те уже упомянутые звуки. Случайно кто-то с качелями выходит из паба, чтобы его заменил новый посетитель. Начинаю медленно и сосредоточенно рассматривать пирующих с интересом того, кто должен будет их описать. Трудная задача – описать человеку такие гротескные и уродливые конфигурации, которые перемещаются, разговаривают и потребляют. Наверное, они не считают себя такими, какими я их квалифицирую. Даже меня, конечно, принимают за очередного мутанта, вырождающегося из какого-то радиационного или вирусного штамма. Я должен спросить.:

– Почему у них нет человеческого вида? Они же боги, а мы люди по образу и подобию Божию?

– В принципе, ты прав. И по убеждению, конечно. Потому что в какой-то книге так написано, не так ли? Насколько хорошо написано в этой книге, Кто не знает. Не то чтобы и я не писал свою «комедию» под манипуляцией той же самой книгой и религиозной догмой, которая так умело ее использует. Что делать, если мудрость приходит всегда потом, а не тогда, когда нужно. И поумнеть, осознать и изменить, уже сказанное и написанное не вернешь и не сотрешь. Даже твои мысли записываются, молодой человек. Нет алла-бала и все такое.

Он опять использует мои выражения. У меня такое ощущение, что в него вселилась частица меня, и это что-то вроде полу-двойника, который, как второе эго взялся обучать, изменять, даже воспитывать меня. Кошунственная мысль, потому что где Данте, а где я. Мухаслону, молюска-ихтиозавру.

– Куда же ты пошел в Праокеане, – слышал я смех того, кто пьет со мною французский коньяк – не чувствуешь ли ты парадокса, что в аду мы пьем райское питье?

– Насколько мне известно, алкоголь недолюбливают белые божественные сущности. Пьянство, курение, наркотики – это дьявольские инновации, отталкивающие людей от прямого пути к Богу. Что божественного в коньяке, если хенесси – я тоже пытаюсь быть остроумным?

– Его божественное в том, что он вкусный, приятный и даже полезный. Все согласно норме, молодой человек – назидательно произносит Данте, не забывая потом потягивать шаровую посуду.

– Еще немного убедишь меня, что и наркотики полезны в пределах нормы?!

– О, насколько ты для меня первобытный, если знаешь?! Препараты применяются с лечебной и, прежде всего, анестезиологической функцией, и об этом знают даже в детском саду. Транквилизаторы содержат наркотические вещества, таблетки для сна и прочее. Их использование для удовольствия и бегства от реальности – уже другое дело. Курение сигарет также совершенно бесполезно, вредно и богоугодно, что не мешает продавать миллионы тонн сигарет. Они даже не упоминают о том, что фотографии и надписи вредны. Лицемерие в квадрате. Он и алкоголь приводят к алкоголизму, убийствам и самоубийствам, но производится

и экспортируется на рынок, верно. С наркотиками все немного иначе. Но и там те, кто заявляет, что борется с ними, и их распространение просто хочет, чтобы они продавали их или те, с кем они находятся в преступном сговоре. Неважно. Посмотри, что происходит и кто здесь посетители! Там через два стола сидят те из месопотамской мифологии. Этот одноглазый Хумбаба, Гильгамеш убил его вместе со своим другом Энкиду. Обоженный монстр, который имеет противоречивую сущность, потому что он был назначен хранителем кедрового леса и защитником природы. Но если он здесь, значит, что-то не угодил Высшему. Нингаси-богиня пива. Она приближается к нам внешне, только там где ее голова больше собачья, чем человеческая. И ей, на мой взгляд нет места в аду, но мы не должны вменять наши критерии в божественные, не так ли? Может быть, она наказана за то, что люди напившись пива становятся ленивыми, не хотят работать, подчиняться, служить и любить своего бога. Не знаю, не хочу ли я ее спрашивать, или ты хочешь, чтобы мы дали ей интервью?

– Я просто смотрю и запоминаю. Не уверен, что это место для интервью.

В этот же момент со стороны оркестра изливается такой громкий вой всевозможных звуков, в том числе своего рода волчий вой. Некоторые из посетителей опускают посуду и стаканы, другие закрывают уши, а третьи просто падают в обморок. Мы с флорентийским собеседником выдерживаем атаку, тем более она длится не более четверти минуты. После этого все возвращается в свой нормальный, адский вид. Данте продолжает:

– За соседним столиком стоят японские Буссо. Сюда притащили целых шесть штук. Мне интересно, подают ли им трупы, потому что это их любимая еда. Мы должны спросить официанта.

И вот тот, как на заказ, с фирменным блюдом заведения, который в ничтожном количестве, но в огромных тарелках, которые занимают весь стол. Данте вежливо спрашивает его:

– Извините, уважаемые, но мы здесь в основном с познавательной целью! Вы, должно быть, получили инструкции для удовлетворения наших информационных потребностей, так что я спрошу, не подаете ли вы этим бестелесным Буссо ферментированные трупы или как?

– Или как, конечно. Они наказаны, а не награждены за то, что мы кормим их любимой едой. Здесь каждому подано прямо противоположное тому, что он любит есть. Причем в максимально неприятном виде. Им дают только вегетарианские продукты, причем вместе с грязью и землей на корнях, а также совсем свежую воду прямо из гейзеров поблизости. Кипящий и противный, пахнущий серой.

– Ну, если им так противно здесь всем, зачем они приходят? Они ведь бессмертны и не могут умереть ни от жажды, ни от голода, – спрашиваю я наивнее всего и дилетантски?

– Потому что это часть их наказания. Они знают, что не умрут от голода и жажды, но желание принимать пищу и жидкости сильнее воли, была она и божественной. Ноги сами приводят их сюда. Даже если они упрямы и упрямы, как тролли, они все равно не могут устоять и приходят, чтобы я их обслужил. Ко всем относятся без исключения. Надеюсь, я удовлетворил ваше любопытство и буду бежать, что меня ждет работа. – его лицо приобретает фиолетово-красный цвет от вызванной злобы – я не такой зритель, как вы, просто задавая идиотские вопросы. Ах вы, сволочи?!

Он выносит куда-то дьявольское отродье с быстро меняющимися эмоциями. Я пытаюсь вспомнить, кто из моих близких делает эти перевоплощения, и очень быстро вспоминаю, но это не обсуждается. Спрашиваю:

– Представь мне следующих, пожалуйста! Я должен описать их позже.

– На внутреннем столе Локи. Он один и никому не разрешает сидеть за столом.

Я смотрю на это из скандинавской мифологии. На первое впечатление он выглядит почти как человек, но второй взгляд уже улавливает рептилоид-подлость в его выражении. Глаза выразительные, но мутные, а сетчатка черная, как графит. Я замечаю два рога, раздающиеся от волос, представляющих собой кучу черно-коричневых спутанных волос. Как будто кто-то

наклеил на череп пучок засохших водорослей. А насколько я помню из фильмов и комиксов, его изображают красивым мужчиной.

– Это Ад. Ничего красивого ты не увидишь, если будешь тужиться до грыжи. В аду черти самые красивые существа. Мы с тобой только кажемся нормальными, но это по нашим представлениям о нормальности. Локи, ты будешь видеть его везде и под разными пытками. Если вы заметили, пытки этих людей не имеют ничего общего с теми кругами, которые я описал. Высший как всезнающий осознает, что боль проходит и проходит, а ментальная рана зияет со страшной силой, и пока не заглохнет, появляется новая. Унижение, Принижение и постоянное напоминание о том, что ты больше не тот величие, которым ты был, возможно, величайшее наказание для тех грандоманов, которые считали себя самым крутым.

– Я просил тебя не читать мои мысли или хотя бы не показывать это, не так ли? – я реагирую молниеносно, может быть, под влиянием хенесито-лучше скажи, кто это сейчас вошел!

– Ты не знаешь, кто такая Калли?! Странно?! Она всем известна.

Входила с телом женщины, одетая в шелковые шарфы и бюст, усыпанный драгоценными камнями. Но голова больше кобра, чем красивая женщина. Но это не вызывает страха и отвращения, а должно. Сколько крови она выпила, столько не пролилось в двух мировых войнах вместе взятых. Интересно объединить эти божественные-гены похожи на людей, а на самом деле не совсем. Некоторые из них вообще ничего человеческого не могут найти в них. Например, тех японцев, которые едят трупы. Они полупрозрачные. Такие эфирные, как голограмма или мираж. Все здесь странно, и я не должен быть в восторге от него. Другой мир, черт возьми.

...

– Вы меня вызывали или мне так показалось? – появился оберкельнер.

– Ну, нет, но раз уж ты здесь, дай ей еще по одному коньяку того же-наберусь смелости в гневе, что здесь все, видимо, читают мне в голове, как будто это вчерашняя газета!

Я думаю, что многое здесь происходит только с мыслями. К Зевсу Прометей явился при упоминании его имени, а тут я только подумал о чертях, и вот этот притащился. Хорошо, что по крайней мере он не был грубым по традиции. А Калли прямо засунулась в наш стол, вытащил стул из соседнего, где сидели три Валькирии и села между нами с Данте:

– Привет, тарикаты! Я слышала, что вы что-то делаете в журналах и проводите интервью. Вы что-то снимаете или просто играете в вопросы и ответы? Мне хотелось бы, чтобы меня где-нибудь увидели или хотя бы прочитали обо мне. Не ради славы, а ради боли. Потому что мне здесь не место. Кто спросит, а кто запишет? У вас нет диктофона?

– Закрывать немного клюв, а, – злится Данте в первый раз, – никто тебя не приглашал и вдобавок не умолкает, мать ее, – обращается к ней и ко мне одновременно.

Пришел официант с нашими коньяками, испытательно взглянув на кровавую индийскую женщину.

– Что ты на меня смотришь? Кроме противностей, ты никогда мне не подавал. По крайней мере, из-за этих двух не принесешь мне стакан чистой родниковой воды? Я что, делаю ирригацию, если ты меня понимаешь?

– Есть вероятность, что ты получишь стакан настоящей, сладкой и вполне реальной чашки с водой вместо резонансной свертываемой крови, смешанной с потом рабов из шахт драгоценных камней, которые вытаскивались, чтобы украсить твои мегаломанские статуи. Но это может произойти, если эти двое дадут согласие на угощение, а ты в то же время пообещаешь, что будешь полностью откровенны с ними.

– Дайте ей, – говорят мои губы, прежде чем я вообще подумаю!

Вижу изумление Данте, которому негде ходить и кивать в знак солидарности. Калли смеется змеиным ртом, показывая раздвоенный язык:

– Вот они и согласились, не подтверждая моей искренности. Поэтому я оплачу им честными и откровенными ответами, что бы они ни спросили.

– Вы меня завели, – снова разозлился официант и исчез, чтобы выполнить заказ!

– Потом я разберусь с тобой – стреляет меня взглядом Алигьери и хватается за бокал коньяка.

Видимо, я поступил слишком безрассудно и не по протоколу, как говорится. Но, как выразился сам гид, потом разберемся.

– Сначала я хотел бы поблагодарить вас двоих, потому что меня выпустили из клетки, чтобы прийти и дать вам интервью! Это не часто случается со мной, за исключением тех дней, когда меня специально отпускают, чтобы я пришел сюда и выпил дерьмо. Не имею в виду, как они воздействуют на меня вместе с теми звуковыми ударами, создаваемыми абсолютно умышленно из того, что называется оркестр.

Конечно, по законам Мерфи, «то, что называется оркестр» демонстрирует свой коронный номер, но как бы в еще более высокой октаве. Мне надоели оба уха, а Калли стала фиолетово-красной. Ее голубое лицо погрозло до уродства, а уши казалось, пытались сжаться внутрь. Я чуть не рассмеялся, если бы не этот бешеный крик в голове. Данте был не в лучшем состоянии, и хорошо, что все закончилось менее чем за полминуты. Я оглядываюсь, чтобы увидеть, что половина посетителей воткнула чел в скатерти, а другая половина усиленно наполняет сосуды для рвоты. Я молюсь, чтобы Калли не начинала и не извергала рядом со мной, что коньяк, каким бы вкусным он ни был, потеряет все свое очарование.

Пришла вода богини. Официант перестарался, может быть, из-за нас и суда, который подает больше похож на кувшин, чем на чашку. Она жадно схватывает ее и даже прижимает сосуд к груди, как будто боится, что кто-то ее украдет. Затем он жадно пьет большими глотками, переполняя ее без проблем. Честно говоря, я даже радовался ей, когда она это делала. Видимо, я слишком сострадателен, и это как раз то, что раздражало моего флорентийского лидера. Калли бережно вытирает губы полотенцем, извлеченным неизвестно откуда, и обращается к Алигьери:

– Ну, кто спросит? Это ведь было интервью? Кто-то спрашивает, а я отвечаю?!

Данте, вижу как он не будет с ней иметь дело, и открываю рот вопросом:

– Попробую не повторяться, поэтому спрошу: в чем твое наказание, кроме того, что уже упомянуто о некой свертываемости крови и рабском поте?

– Ты, наверное, пропустил, что я наемкнула за клетку, в которой заперта. Мало того, что она сделана из ржавого железа, но она также не соответствует тому, что у меня более двух рук. Мне так тесно до удушья. У меня клаустрофобия в экстремальных масштабах. Я едва поворачиваюсь внутрь, не говоря уже о том, что у меня нет никаких шансов вытянуться в полный рост, чтобы поспать в нормальном положении. Я дремлю, свернувшись в мяч, как черепаха. А эти садисты танцуют под мою любимую музыку, издеваясь над моей раненой душой.

– Кто эти садисты – мое любопытство не сдерживается, как это часто бывает со мной?

– Как кто? Ты хоть что-нибудь знаешь или мне нужно открывать здесь камерную школу?

– Ресторанная школа, – поправляет ее Данте, который, как делает себя слушателем, находит возможность пошутить типично по флорентийскому.

Затем он обращается ко мне нравоучительно:

– Она выходит замуж за Шиву, точнее, она темная сторона его жены Парвати. Как Луна имеет темную сторону, так Парвати оказывается с темной половиной. И именно эта половина однажды убила своего мужа. И не только умерщвляет, но и танцует на трупе мертвого бога. Я не ошибаюсь – смотрит Алигьери на нашу синегожую собеседницу?

– Ты ошибаешься, и только как ты ошибаешься, если знаешь?! Какая я половина, поэт несчастный? Я Калли – богиня мести, ярости и смерти. Смерти не будет половиной, ясно вам обоим или я должна повторять? Читали Википедии, и им кажется, что тут много знают.

Кали яростно схватила свою чашку-кувшин, и в бешенстве ее удалось откусить кусок стекла, пока пила. Она порезает рот, и из раны течет тонкая струя крови. Очень тонкая струя голубой жидкости. Я, конечно в очередном шоке. Надеюсь что привыкну!

– Ты как раз привыкнешь и твое путешествие закончится, – злобно прокомментировал обер, который принес нам новые коньяки.

Не считаю нужным отвечать, но задаюсь вопросом, все ли здесь читают мои мысли или только уполномоченные для этого персонажи?!

– Спокойно, – воскликнул мой гид, – не все умеют эти хватки. Та, у которую ты берешь интервью, например, не может собрать свои мысли адекватно, чтобы читала у других.

– Кто не может? Ты скажешь мне, что я властвовала над полмира? Я, а не эта муха Правати. Если у нее плохая половина, то это не я. У меня есть своя плохая и хорошая половина. У всех они есть. Вы считаете себя только хорошими? Если кто-то решит сделать его жестким, я буду смеяться отсюда до двери Рая. Я была наполовину?! Глядя на меня среди вас, я выгляжу наполовину? Я полностью цела. Они где-то читают и думают, что знающие. Перед вами заявляю, что я ничья половина. Это может сказать только тот, у кого нет чувства собственного достоинства. Здесь тысячами пытались раздавить мое эго, но этого не произойдет.

Кали делает то же, что и Зевс. Она подняла голову к потолку и крикнула сколько позволяют ее голосовые связки: У тебя не получится, Всевышний! Ты не сломаешь меня, как бы тебе ни хотелось. Это не моя вина. Она твоя, Всевышний, потому что ты сделал меня такой. Я не родилась плохой и кровожадной. Никто не рождается таким. Ты это знаешь, и все равно наказываешь меня, а не берешь на себя самокритику перед всеми.

Данте улыбочиво наблюдает за сценой и определенно веселится от души. В какой-то момент решает вмешаться в тираду:

– Почему ты кричишь, я не понимаю? Ты же знаешь, что он как снаружи, так и внутри. Достаточно подумать и все готово.

– Как вы думаете, что я делала за десятки веков клеточного существования? Может быть, ты думаешь, что мне снились розовые сны, свернутые как крендель в тесноте?

– Полагаю, что ты обдумывала эти вещи сотни раз, и поэтому так категорична в утверждениях, – я решаю, что тоже буду участвовать в разговоре. Тем более, разве не делаю это измученное интервью?!

– Ты не понимаешь, насколько прав. Что еще можно сделать в этом маленьком пространстве? Но когда эти двое появляются и танцуют, обнявшись, как сиамские близнецы, я так отвлекаюсь, что никакую мысль никак не могу скоординировать. Я знаю, что это не они в буквальном смысле этого слова, а какие-то их копии, клоны или голограммы, но, несмотря ни на что, само видение действует мне на нервы. Ничто, кроме уродливых ругательств, клятв и оскорблений, не приходит мне в голову в эти отвратительные моменты.

– Ну, ты, наверное, давно это поняла. Почему им доверяешь – я продолжаю свои легкомысленные вопросы?

– Да и как бессмертная, мне не нужна еда и вода, но вот-вот прихожу сюда, как какая-то нищенка, чтобы попросить водицу, которую впрочем я теперь дегустировала ради вас. В противном случае мне дают коктейль из уже упомянутых компонентов. Не знаю какой мозг придумывает эти мерзкие гадости, которые несет этот чертов официант, черт возьми?!

Пока не почувствует, что он появляется как какой-то молниеносный призрак:

– Почему вы меня постоянно завете, я не знаю? Как будто не знаете, как работает эта схема. Я не хочу снова приносить вам выпивку. У вас нет коньяка?! Нажритесь как вакханками, и убейте друг друга! Она просто ждет, когда кто-нибудь выпустит свежую кровь, чтобы выпить на волю. Это не то время, когда каждый день витала над полями сражений и поощряла массовые убийства. На что уставился? Или я говорю ложь? Больше воды для тебя нет ни сегодня, ни завтра! Это было за последние два-три тысячи лет.

Обер съедобно оставляет перед нами с Алигьери стакан коньяка, убирает пустые стаканы и словно растворяется в воздухе.

– Ему не хватает первых семи лет – с улыбкой прокомментировал флорентиец и с удовольствием потягивает новый хеннесси.

Я замечаю, что Калли что-то затуманила, уставилась где-то за моей спиной. Я оборачиваюсь, чтобы увидеть группу вакхан, подпихнувших свои тирсы в край стола. Они пьяны по максимуму, хотя и не кричат, как та, что с синей кожей. Невооруженным глазом видна неадекватность жестов, окровавленных глаз и типичная безызвратность взгляда.

«Типичный для вакханков» – снова проходит какая-то идиотская мысль. Как будто с тех пор, как я родился общаюсь и живу среди вакханков. Схожу с ума и не чувствую уверенности, что выйду из этого паба.

«Случайностей нет, и все» – проходит через мои нейроны. Спрашиваю:

– Но все-таки, есть ли шанс, что все эти попытки в какой-то момент прекратятся?

– Я знаю, – глубокомысленно отзывается шестерок, – может быть, и есть, но никто ничего не говорит?! И, кстати, позвольте мне спросить вас: Почему Он ни разу не предупредил меня? Почему не объяснил мне на высшем божественном уровне, что эти вещи не хороши, не помогают эволюции, а наоборот? И вообще, зачем Он создал Зло, если оно останавливает развитие? Ведь цель состоит в том, чтобы все эволюционировало, чтобы Он тоже мог это делать? Он ведь Все?

– Потому что нельзя познать Добро, если нет Зла, – высказываю всепоглощающее клише.

– Что плохого, если все хорошо, а Зло безвозвратно отсутствует, а? Красота, любовь, творчество и никакой инволюции. В чем проблема? Нет, должны быть хорошие и плохие, чтобы одних поощряли, а других как и меня относили по всем пунктам. Если Он полярен, как и все во Вселенной, то мы плохие дети – его темная сторона. Верно? Что ж, тогда оказывается, что Он наказывает сам себя, потому что, как вне нас, так и внутри. Отрицательные эмоции – это что-то вроде выделенный пар, высвобождения избыточной ненужной энергии. Мы плохие – это как бы экскременты, которые периодически Творец исходит откуда-то, точнее здесь, в Аду. Это никогда не приходило мне в голову, а теперь, благодаря вашему интервью, я поняла и осознала. Те, на кого вы смотрите, и те кого вы увидите, оказываемся обычными фекалиями Творца. Теперь это может разрушить мое эго. Следует различать бла-бла и ала-бала. Почему нужно делать эту разницу? Зачем ему развиваться? Он ведь все? Что еще ему развивать?

– Не может быть эволюции, если все хорошо, – звонит как эхо Данте, – все будет в самодовольном застое, а тому, – многозначительно смотрит на потолок, – нужна динамика, чтобы сам мог развиваться.

– Болтаете здесь столько, сколько находитесь в раздумьях. Зачем ему развиваться и вообще что ему есть, когда Он есть Все? Больше чем то, что он может хотеть? У меня не укладывается голова, и это все – Калли замолкает и сосредотачивается в своем стакане с водой...

Футуристический оркестр вмешивается в неповторимый неистовый вой и я начинаю настраиваться на отъезд, потому что в четвертый раз этого не выдержу. Смотрю на своего гида с подсказкой, но прежде чем он ответит мне, к нашему столу подходит не кто-нибудь, а сам Локи. Величественный и по-своему красивый. Величественный, блестящий, с его особой роговой шляпой, с невероятным мечом на кресте. Более красивой рукоятки такого вида оружия никогда не видел. Не то чтобы многие такие мечи проходили у меня на глазах, но бы не сказал, что я дилетант, потому что раньше интересовался всевозможным оружием, даже подписывался на специализированный журнал. Я побывал во всех музеях и замках. Но такая красота мне нигде не попадалась, даже на картинке. Пока думаю об этом на все эти мудрости, на одной из рук Калли светятся и визжат что-то вроде электронного браслета. Она ничего не говорит, а встает и, не попрощавшись, направляется к выходу.

– И этой забыли первые семь, – отмечает Данте, как будто рядом с нами никого нет.

– Чтобы вы не подумали, что я тоже не получил первоначального воспитания, с уважением скажу вам Добрый вечер!

Локи даже кланяется в знак уважения, как будто мы какие-то VIP-персоны. И если посмотрим на реальность, то мы действительно такие, когда на нас обращают внимание боги, не то что они в изгнании. Мы смотрим на удостоенного нашего особого отношения скандинавца, а он не удосуживается сесть с нами:

– Я предлагаю вам соизволить старательно поднять сапиенсовы задницы со стульев и следовать за мной! Не чувствуете ли вы, что очень долго пробыли здесь в самом отвратительном пабе во Вселенной и за ее пределами?

– Нам здесь очень хорошо. Я бы даже выпил еще один коньяк – набрался бы какой-нибудь несвойственной смелости. А может быть реагирую из-за самого нытья, провокацией, чтобы узнать, почему этот человек вообще удосужился нас заметить.

– Вам не интересно своими глазами увидеть, что делает со мной тот, кто издевается над половиной Божественного пантеона? Сидя удобно под эгидой рогатого официанта, разве вы не чувствуете себя какими-то элементарными потребителями, а?

– Что за черт? У нас было прекрасное интервью с Калли, и я подумал о том, чтобы поговорить с этими японскими трупоядами, чтобы сделать мою книгу привлекательной для молодой аудитории. Она влюблена в Стивена Кинга, Брэма Стокера и их подобных. Если смогу приковать зомби, это станет бестселлером.

– Зомби вы вряд ли встретите здесь, потому что эта территория только для таких божественных подонков, как я – сарказм оказался прямым как специальная военная операция – давайте, поднимайтесь, мои преследователи горят от нетерпения!

Я как раз подумал спросить что это за преследователи, когда вижу стоящего Данте, который делает обволакивающий жест своим плащом, направляясь к выходу.

Иду за ним, не задумываясь...

Четвертая глава: Локи.

Чтобы выйти из ресторана, нам снова приходится вручную открывать дверь, через которую мы пришли в него.

– Это не как в Шератоне – не так ли, – на зло спрашивает Локи, который идет за нами?

– Интересно, откуда ты знаешь о Шератоне, – возвращаю я заядлый, – ведь ты попал в ад с древних времен?

– Древние, сколько же их древние? Тем более, что, несмотря на то, что объект засекречен, мы все-равно достигаем по тихонько до информации. Через некоторое время вы даже увидите то, в что не поверите, если я скажу вам это только словами.

Мне приходит в голову, что эта Кали использовала современный словарь, и многие ее слова в моей жизни употребляются людьми более среднего интеллектуального уровня. В то же время я слышу, как этот скандинавский бог начинает учащенно дышать. Я смотрю на него, чтобы понять, что как-то парень съезжился. Он спрятался внутри себя в каком-то своем испуге, который смотрится совершенно визуально.

– Люди, давайте убираться отсюда быстро, они очень близко!

– Кто они и почему мы должны бояться, – спрашиваю я почти инстинктивно?

Рефлекс выживания срабатывает на prime vista, показывая мне наглядно, как манипулируют овечьим стадом, называемым обществом. Еще раз спрашиваю:

– Скажи нам! Кто они и почему мы должны бежать? Мы здесь на экскурсию, и не забывай, что мы находимся под высшей защитой!

– Я не могу гарантировать, что эта защита поможет вам, если они доберутся до нас. Сначала убивают, а потом думают. И все из-за меня, естественно. Давайте убираться из этого проклятого места, а когда мы войдем в бункер, я буду рассказывать подробности!

Локи уезжает, и мы с Данте не останемся позади, следуем за ним, как щенки за мамой. Я обнаружил, что ландшафт резко изменился. Но меня уже ничто не может удивить, ведь у моего попутчика и проводника его одежда меняется через час или два. Даже его ботинки становятся сопогами, даже домашними галошами, в которых он сидел в ресторане. Может быть, так он чувствует себя дома, я знаю?! Мне нужно найти время и спросить его об этих странностях. Хорошо, что его лицо не меняется так очевидно.

– Быстро в лес! Там каждый кустик мне знаком.

Лес появился из ниоткуда. Не очень высокий, но и не низкий. Ни очень густой, но не прозорливо-редкой. Это обычный адский лес. Он не может быть другой. В аду вполне резонно, что все адское до скуки. Мы входим между деревьями. Под ногами мягкое, из-за выветрившейся травы. Когда росли леса, когда росла трава? Здесь, кроме вопросов, моя голова не рождает ничего другого. Алигьери идет вперед, я посередине, и ариегард вполне логично называется Локи. Куда мы идем, непонятно вообще, как и почему тот, кто позади меня, не вышел впереди, чтобы вести. В тот же момент я вижу, как между газоном просвечивает асфальт. Он может быть таким же, по которого мы пришли...

– Это не тот же самый, – слышу реакцию Данте, – я думаю, что мы движемся в правильном направлении, потому что иначе Локи бы меня поправил.

– Куда бы мы ни пошли, туда поедem. – звонит тот, кто упомянул – быстро спрятаться за этими толстыми деревьями!

Поворачиваем и прячемся за стволами толщиной не менее двух метров. Локи даже приглашает нас лечь на траву. Мы делаем это с неохотой, а Данте с явным отвращением из-за новой накладки.

Мы лежим, как какие-то ящерицы, прилипшие к траве, а рядом слышны звуки бегущих ног и даже дыхание уставших бегунов. На лужайке, на которой до недавнего времени остано-

вились мы трое, теперь оказывается кучка с такой пестротой, что я прямо становлюсь разношерстным. Как один не похож на другого?! Среди них был и Кентавр. Я не могу сказать, что они нас услышат. Лежу и наблюдаю. Они совсем рядом. Я могу передать разговор.:

– Мы потеряем их в лесу, как всегда – это Кентавр – у меня есть преимущество в беге, но здесь не пустое поле. Эти деревья и кустарники мешают мне.

Среди группы замечен очень красивый субъект. Его лицо настолько светлое и белое, что кажется как оно освещает поляну и физиономии других. «Ну и морды собрались», – приходит в голову мысль. Именно этот светлый говорит:

– Я боюсь, что они набрали преимущество, но если мы будем следовать за ними правильно, сможем добраться до них. Вот эта дорога, прикрытая травой. Я предлагаю двигаться по нему! Тем более, что из-за дороги кусты и деревья не такие густые. Пошли, а то они еще дальше уйдут!

Трехметровый урод делает стопорный жест рукой:

– Неплохо хотя бы подышать воздухом, что от этого постоянного бегающего дыхания у меня не осталось! Просто немного отдохнем и поедем. Так у нас будет больше сил и мы будем бежать быстрее.

– Никаких перерывов! Вперед – этот светлый явно командир бригады бегунов!

Все идут по бывшему пути, некоторые недовольно бормочут о том, что это был живой садизм бегать, как лошади без отдыха, а Кентавр забивает на ходу:

– Давайте не будем обижаться на лошадей, пожалуйста!

Локи скоро встанет на ноги, а мы последуем за ним.:

– Теперь потихоньку выезжаем в этом направлении, а они гоняют ветер по дороге!

– Хорошо, что теперь ты нам объяснишь, почему мы должны бежать и прятаться, и куда ты нас ведешь! Ибо если тебе есть за что охотиться, то у нас нет повода – продолжаю повторять, как поврежденный проигрыватель.

– Это потому что ты не знаешь одного из основных вселенских законов, которые я так или иначе обещал разъяснить, – повторяет меня Алигьери, – закон вибрации говорит, что все во Вселенной движется, вибрирует и путешествует по круговым шаблонам. А почему его преследуют, мы обязательно узнаем, когда избавимся от преследователей. Ведь так – он обращается к Локи, который с улыбкой слушает нравоучение?

– Давай убраться отсюда, черт возьми, а то они могут вернуться!

Скандинавский ублюдок достает меч красивой ручкой и начинает рубить кусты, потому что иначе мимо не пройти. Хорошо, что нам не нужно много двигаться. Интересно то, что за нами снова росли кусты, как будто какая-то сверхдержава пытается нас прикрыть. Я должен спросить его, чтобы потом не забыть вопрос.:

– Дорогой Локи, ты наказан, чтобы тебя преследовали, а что-то восстанавливает растения позади нас. В этом нет никакого смысла. В этих селениях логика как-то инопланетна, но все же спрошу.

– В другой раз он не восстанавливается, а остается посеченным. Теперь, возможно из-за вас весь этот театр. Но в принципе, они всегда гоняются за мной и никогда меня не ловят. Это не имеет смысла, а о вашей пресловутой логике не будем комментировать! Если меня поймут на том, что они будут делать со мной, тем более, тогда мучения от этого постоянного преследования будут исключены из программы. Но давайте зайдем, а потом будем говорить столько, сколько захотим! Я даже подам вам пива. Настоящее, густое, игристое и пьянящее пиво, которое моя Сигюн варит в бункере. Вы готовы к еще более подземной прогулке?

– Мы не то, чтобы мы не под землей, – с улыбкой отреагировал Данте, – открой, что у меня пересохло во рту от бега по этим пустословьям!

Тот бог убирает меч и запихивается в огромную дуплу, зияющую в соседнее дерево. Мой проводник подталкивает меня следовать за ним, ждет, когда я войду, и идет за мной. Начи-

нает проскальзывать ощущение, что этот флорентийец либо знает все эти таинства, либо просто переживал их раньше меня с другими подобными. Но я никогда не слышал, чтобы кто-то написал книгу о божественном аду. Так что, может быть, он только информирован априори или читал какой-то сценарий.

Дупла – это просто вход в какой-то мрачный туннель. Над нашими головами провисает лишь один пыльный фонарь, дающий минорное количество света, чтобы мы не врезались друг в друга. Локи громко объясняет, потому что чувствует себя полностью защищенным и на своей территории:

– Здесь нет лифта, так что вы довольствуетесь вот этой вагонеткой. В ней есть место для нас троих. Это не роскошь, но путешествие длится недолго.

Алигьери что-то бормочет о своей новой одежде, не подозревая, что они через полчаса будут другими. Только шпага, кажется, не меняется. Я должен взглянуть на нее в какой-то момент из чисто милитаристского любопытства.

Мы загружаемся в приспособление, похожее на те вагонетки из фильмов о рудниках и шахтах. Затем Локи отпускает тормоз, и мы переносимся по скрипучим рельсам, издающим звуки плохо обработанного железа. На самом деле путешествие длится всего несколько минут, хотя мне это показалось довольно долгим. Зачем мне эти часы, если я не переписываюсь с циферблатом?! Наш автомобиль резко останавливается, и я чуть не выпал из него. Хорошо, что на борту есть сварные ручки, поэтому я предусмотрительно отнесся к одной из них. Мы спускаемся один за другим, как поднялись. Тщеславный Данте бережно вытирает плащ из пыли и нежно гладит бархат своей жилетки. Я по инерции тоже бью себя по заднице, отмахиваясь от того, что прилипло к джинсам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.